

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(3): 1434-1446
 DOI: 10.13187/bg.2023.3.1434

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

“Report about the Official Trip of the Minister of War to the Don Host Oblast in 1900” of A.N. Kuropatkin as a Historical Source

Artyom Yu. Peretyatko ^{a, *}

^a Rostov State University of Economics, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the analysis of the “Report about the official trip of the Minister of War to the Don Host Oblast in 1900” of A.N. Kuropatkin. This historical source is interesting because it is a personal narrative of the Minister of War of the Russian Empire, describing a trip to the Don Host Oblast in order to “understand the essence of the life of a Cossack”. Thus, it potentially makes it possible to understand the specifics of the views of the imperial government on the Don Cossacks at the turn of the 19th-20th centuries. However, until now, this text has been relatively little used by historians of the Cossacks (the studies of the Don Cossacks, carried out around the same time by A.N. Kuropatkin’s subordinates, generals P.O. Shcherbov-Nefedovich and N.A. Maslakovets, enjoy great authority). The article shows that this is not accidental. Research optics A.N. Kuropatkin was extremely specific: it is characterized by lack of system, inattention to some important aspects of the problem under study, unpreparedness for in-depth analysis and peremptory judgments. As a result, the minister's report demonstrates his detachment from reality and inability to understand the real problems of the Cossacks (for example, when inspecting the Don schools, he paid great attention to choral singing, but was not at all interested in more important things, such as the curriculum and the competence of teachers). Ultimately, the report of A.N. Kuropatkin clearly demonstrates why the imperial authorities failed to solve the problems of the Cossacks of the late imperial period: in their reform activities, imperial officials sometimes proceeded not from reality, but from a priori ideas about what the Cossacks should be like.

Keywords: source study, Russian Empire, Don Cossacks, A.N. Kuropatkin, government and the Cossacks.

1. Введение

«Увы даже школа, так как она поставлена, не приносит в дом казака только радость. Старики жалуются, что окончившие курс даже в сельской Министерства Народного Просвещения школе (три года) мнят себя учеными. Не хотят черной работы. Заводят другое (штатское) платье и особенно калоши. Калоши стали признаком высшего состояния. Бывает, что их берут взаймы, только чтобы пощеголять ими. Таков пока диагноз болезни. Надо подумать и об лечении. Время еще не ушло. Надо только приступить к лечению с молитвою и верою в силы русского народа, приступить с любящим сердцем и лечить не увеличением переписки и не составлением бесконечных проектов, а по плану, скромно составленному на несколько лет вперед и неуклонно проводимому в жизнь» (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 55).

Этот выпад против школ и калош принадлежит не кому-то из героев сатирических произведений М.Е. Салтыкова-Щедрина или А.П. Чехова. Мы привели цитату из «Отчета о служебной поездке Военного Министра в Область Войска Донского в 1900 г.», написанного лично военным министром, генералом от инфантерии А.Н. Куропаткиным, человеком весьма

* Corresponding author

E-mail addresses: ArtPeretako@yandex.ru (A.Yu. Peretyatko)

оригинальным и достаточно значимым для российской истории. Созданный им текст во многих местах далек от обычных официальных отчетов не только стилистически, но и содержательно. Например, министр счел нужным зафиксировать информацию о том, что ему удалось добиться знаков расположения от жены атамана Платовской станицы: «Жена атамана, молодая калмычка, очень милостива и, видимо, замечала обращенное на нее внимание и кокетничала на коне» (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 51). А описывая Донской кадетский корпус, генерал не только констатировал, что его учащиеся увлекаются цветоводством, но и сообщил, что кадеты «приходят даже в праздники из отпуска, чтобы полить свой горшок с цветком» (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 80б.).

Впрочем, большую часть объемного отчета генерала (114 печатных страниц) составляют все же традиционные для отчета о служебной поездке элементы: статистические таблицы, описания проверенных объектов и учреждений, рекомендации и советы о развитии края. Но и здесь есть важный нюанс – А.Н. Куропаткин осматривал многие учреждения, Военному Министерству неподведомственные, например, церкви и монастыри, которым даже посвящен целый небольшой раздел (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 480б-490б.). При этом никакой полезной служебной информации выполненные им описания церквей и монастырей не содержат: министр хорошо резюмировал все содержание соответствующего раздела одним предложением: «Храмы на Дону есть замечательные как по своей архитектуре, так и по тем старинным вещам, утвари и драгоценным предметам, кои сохраняются в этих храмах» (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 480б.). Наконец, служебные рекомендации и советы генерала нередко напоминают реплики чиновников-героев сатирических произведений. Одним подобным примером мы начали свою статью. Встречаются и другие, не менее странные: например, не держать волов для сельскохозяйственных работ весь год, а продавать осенью, пускать на зиму деньги в оборот и снова покупать новых волов весной (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 240б.).

В результате «Отчет о служебной поездке Военного Министра в Область Войска Донского в 1900 г.» получился очень странной книгой. Глубокого анализа или важных, достоверных и эксклюзивных наблюдений о жизни донского казачества обобщающего характера там нет. Гораздо более подробный, системный и качественный отчет о жизни донских казаков на рубеже XIX-XX вв. за год до этого, в 1899 г., подготовила «Высочайше утвержденная комиссия для исследования причин, подрывающих хозяйственный быт Войска Донского и для изыскания мер к восстановлению его экономического благосостояния» чаще именуемая по фамилии председателя «комиссией Н.А. Маслакова» (Маслаковец, 1899). А А.Н. Куропаткин в своем отчете, касаясь общих вопросов жизни донского казачества, или транслировал без должного обоснования популярные на 1900 г. представления о казаках и их быте, или вообще делал весьма спорные собственные выводы на недостаточном материале.

В то же время повествование генерала наполнено массой частных фактов о различных сторонах жизни Донского края, о его повседневности. Причем эти факты уникальны. Например, из отчета мы можем узнать не только то, что кадеты Донского кадетского корпуса увлекались цветоводством, но и то, что они сами сажали деревья и разбили при корпусе сад; что каждый класс этого кадетского корпуса на общую подписку покупал икону, которая затем украшала их учебную аудиторию до самого выпуска; что при каждой сотне кадетов была столярная мастерская, и донские кадеты мастерски владели ручным трудом; что в корпусе был прекрасный зубной кабинет и отличная дантистка, а в числе кадет имелись музыканты и фотографы, и, наконец, что при корпусе открыли бактериологическую станцию (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 9). Таких любопытнейших частных фактов в отчете военного министра немало. Но и с ними есть серьезная проблема: дело в том, что отчет А.Н. Куропаткина не вполне достоверен. Его автор в некоторых местах транслирует откровенно ошибочную информацию. Например, А.Н. Куропаткин описывал, как ему в Усть-Медведицком реальном училище ученики спели «Боже, Царя храни» и «Всколыхнулся, взволновался православный тихий Дон», причем авторство последней песни он приписал «известному донскому поэту Леонову» (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 420б.). Речь идет о А.А. Леонове, поэте XIX в., рецензию на сборник которого опубликовал сам В.Г. Белинский (Белинский, 1953: 231-234). Вот только автором текста песни «Всколыхнулся, взволновался православный тихий Дон», легкой в основу современного гимна Ростовской области, является Ф.И. Анисимов (Бабайцев, 2012: 131).

Итак, в 1900 г. единственный раз в истории Российской империи ее военный министр не просто посетил Донское Войско, но провел его специальную инспекцию, написав по ее итогам подробный обширный авторский текст, причем текст, содержащий уникальную информацию и не укладывающийся в нормы стандартной делопроизводственной документации того времени. Каковы бы ни были достоинства этого текста как исторического источника о реальной жизни донского казачества на рубеже XIX-XX вв., он важен как источник, демонстрирующий представления имперской власти о казаках. Что увидел А.Н. Куропаткин в Донском Войске? А что он хотел увидеть? Почему вообще военным министром был создан такой жанрово странный текст? Разбираемая работа А.Н. Куропаткина многогранна, и для ее полного анализа мало одной статьи. Но в рамках данного исследования мы бы хотели хотя бы наметить ответы на заданные вопросы.

2. Материалы и методы

Источниковой базой нашего исследования будет служить, прежде всего, сам «Отчет о служебной поездке Военного Министра в Область Войска Донского в 1900 г.», который мы будем соотносить с другими источниками о донском казачестве рубежа XIX-XX вв. В частности, с материалами комиссии Н.А. Маслаковца.

Поскольку мы уже описывали поездку А.Н. Куропаткина в Донское Войско и сделанные им выводы (Peretyatko, 2019: 1326-1328), в данной статье мы сделаем акцент на анализе нарратива А.Н. Куропаткина как исторического источника. Мы попытаемся понять, насколько внимательным и объективным наблюдателем он был, насколько приводимые им факты адекватны исследуемым темам, а выводы – приведенным фактам. Это позволит нам уяснить особенности исследовательской оптики А.Н. Куропаткина, то, каковы были методологические и идейные особенности проведенного им исследования донского казачества. В то же время мы кратко охарактеризуем предысторию поездки военного министра на Дон и организацию этой поездки, поскольку они тоже, разумеется, влияли на его нарратив.

3. Обсуждение

С учетом жанровой специфики и недостоверности нарратива А.Н. Куропаткина вполне предсказуемо, что историками донского казачества «Отчет о служебной поездке Военного Министра в Область Войска Донского в 1900 г.» используется мало. Впрочем, в советское время на отмеченные А.Н. Куропаткиным в ходе данной поездки факты несколько раз ссылался И.П. Хлыстов в монографии «Дон в эпоху капитализма. 60-е - середина 90-х годов XIX в.» (Хлыстов, 1962: 16, 28). Однако после этого труд А.Н. Куропаткина оказался не столько забыт, сколько неинтересен исследователям казачества. Так, внимания крупного казаковеда А.П. Скорика в книге «Милютинский казачий юрт: опыт исторической реконструкции» удостоился не сам отчет А.Н. Куропаткина, но приложения к нему, описывающие инспекцию Донецкого округа начальником Главного управления казачьих войск (ГУКВ) П.О. Щербовым-Нефедовичем (Скорик, 2015: 82-109). Конечно, это связано в том числе и с тем, что А.П. Скорика больше интересовал осмотр властями конкретной станицы, Милютинской, произведенный как раз П.О. Щербовым-Нефедовичем. Однако исследователь регулярно касается в своей книге и общих проблем донского казачества той эпохи, например, рассматривая возможные меры по борьбе с его обеднением (Скорик, 2015: 108-109). Вот только, разбирая подобные проблемы, он обращается исключительно к материалам комиссии Н.А. Маслаковца, игнорируя написанное на этот счет А.Н. Куропаткиным (Скорик, 2015: 108-109). Вообще деятельность комиссии Н.А. Маслаковца А.П. Скорик оценивает крайне высоко (она собрала «бесценные социально-экономические свидетельства о положении дел в Области Войска Донского» (Скорик, 2015: 109). Хвалит он и П.О. Щербова-Нефедовича, (последний «являлся ординарным профессором Николаевской академии Генерального штаба», что «не могло не отразиться на качественных характеристиках <его> итогового отчета» (Скорик, 2015: 83). А А.Н. Куропаткину историк ставит в заслугу только организацию работ подчиненных (Скорик, 2015: 82). А специалист по истории Донского Войска второй половины XIX в. А.А. Волвенко в «Очерках по истории донского казачества в позднимперский период (II пол. XIX – нач. XX вв.)» вообще только упоминает о поездке А.Н. Куропаткина в Область Войска Донского в 1900 г., не используя подготовленный по ее итогам отчет (Волвенко, 2017: 108, 143).

С другой стороны, деятельность А.Н. Куропаткина, независимо от ее оценки, была крайне многогранна, и поэтому многочисленные биографы генерала обращаются к самым разным ее эпизодам, включая, например, воззрения министра на российскую политику в Персии (Гоков, 2015: 187-197) или на протектораты Российской империи в Средней Азии (Почекаев, 2019: 44-53). Специально изучались и некоторые поездки А.Н. Куропаткина, например, в Сибирский военный округ (Авилов, 2019: 157-176). Однако вопросы отношения военного министра к казачьим войскам его биографами изучались сравнительно мало: можно отметить только статью Р.С. Авилова «Братья по несчастью: Иркутская и Красноярская казачьи сотни в 1899 г. (по материалам поездки А.Н. Куропаткина)» (Авилов, 2021: 149-159). Р.С. Авилов разбирает предельно частный сюжет, подробно описывая ситуацию в двух казачьих сотнях на основании материалов поездки А.Н. Куропаткина, рассматривая утверждения министра как достаточно объективные и отражающие действительность. В то же время мы в одной из своих прошлых работ, напротив, пришли к выводу, что «А.Н. Куропаткин исходил при изучении экономических проблем казачьих войск не столько из реальных фактов, сколько из своих сомнительных концепций» (Peretyatko, 2019: 1329).

Таким образом, остается констатировать, что нарратив А.Н. Куропаткина о казачьих войсках в целом и его «Отчет о служебной поездке Военного Министра в Область Войска Донского в 1900 г.» изучены далеко не достаточно. Специалисты по донской истории уделяют мало внимания данному тексту: большим авторитетом пользуются исследования казачества, подчиненных А.Н. Куропаткина, Н.А. Маслаковца и П.О. Щербова-Нефедовича. С другой стороны, биографы А.Н. Куропаткина уделяют основное внимание работам генерала, не связанным с казачеством. В итоге среди

исследователей даже нет консенсуса о том, насколько надежным источником являются работы А.Н. Куропаткина о казаках.

4. Результаты

Причины поездки

До самого 1917 г. в Российской империи не было создано учебных заведений, где готовили бы чиновников и экономистов для казачьих войск, и ключевые должности в Донской администрации часто занимали строевые военные без всякого административного опыта. Князь Н.И. Святополк-Мирский, Донской атаман в 1881-1898 гг., был ярчайшим примером этого: блестящий офицер, участник Кавказской войны и Русско-турецкой войны 1877-1878 гг. До назначения атаманом он занимал исключительно строевые должности (*Альманах...*, 1897: 1201). Согласно свидетельствам современников, к гражданскому управлению вверенного ему региона князь оказался совершенно равнодушен (*Карасев, 1899: 112-114*). В современной историографии встречаются и положительные оценки деятельности этого атамана (*Тикиджьян, 1998*). Однако на момент его снятия с должности в 1898 г. ситуация в Донском Войске представлялась крайне безрадостной и из станиц, и из Санкт-Петербурга.

В этом году донские дворяне подали Николаю II прошение о создании специальной комиссии для изучения экономических проблем казачества (будущая комиссия Н.А. Маслаковца) (*ГАРО. Ф. 410. Оп. 1. Д. 682. Л. 1-6об.*). Администрация Н.И. Святополк-Мирского попыталась воспрепятствовать им, утверждая, будто бы таким ходатайством дворяне «вышли из своей компетенции, присвоив себе право, которого они не имеют» (*Протоколы...*, 1899: 132). Однако областной предводитель дворянства М.С. Марков сумел передать это ходатайство не через атамана, но как раз через А.Н. Куропаткина, к которому ездил в Санкт-Петербург (*Донцы...*, 2003: 302). Вскоре после этого Н.И. Святополк-Мирский был снят с должности, а исполнять должность Донского атамана назначили природного казака, генерала А.П. Короченцева, который поддержал опасения донских дворян, сигнализируя начальству о тяжелом экономическом положении в крае (*Скорик, 2015: 78-81*).

А комиссия Н.А. Маслаковца вскрыла массу проблем в управлении регионом и возложила на власти частичную ответственность за экономический кризис казачества. Даже ее председатель, бывший помощник Н.И. Святополк-Мирского по гражданской части, признал, что одной из причин обеднения казаков стали постоянно растущие требования к ним по военной службе «как высшего правительства, так и местной администрации» (*Протоколы...*, 1899: 136). Итоговые предложения комиссии предполагали увеличение правительственного финансирования Войска Донского более чем на 1 000 000 руб., что якобы позволило бы казакам сэкономить 5 000 000 руб. в год (*Маслаковец, 1899: 118*). А.Н. Куропаткин просил дополнительное финансирование для Донского Войска у министра финансов С.Ю. Витте, но понимания не нашел (*ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 60. Л. 1*).

Тем временем местные донские чиновники, сохранившие должности со времен Н.И. Святополк-Мирского и несущие ответственность за сложившуюся в войске ситуацию, тоже проявляли активность, доказывая, что проблемы донской экономики сильно преувеличиваются их критиками. Их поддержал утвержденный с 1899 г. Донским атаманом генерал К.К. Максимович, передавший в Военное Министерство записку помощника начальника Войскового штаба В.М. Лютенкова, в которой члены комиссии Н.А. Маслаковца даже именовались «компетентными лицами» (именно в кавычках, с явной иронией в отношении их способности анализировать экономические проблемы большого масштаба) (*РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 2109. Л. 81*).

Итак, к 1900 г. на Дону сложилась уникальная ситуация: имперская власть официально и публично признала экономический кризис донского казачества. Для его разрешения была создана комиссия по ходатайству снизу, о деятельности и итогах работы которой было прекрасно известно казачьим общественным деятелям (в число ее членов предсказуемо вошел, например, сам М.С. Марков (*ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 18. Л. 3*)). Эта комиссия заявила, что положение дел требует резкого увеличения финансирования Войска Донского. В то же время имперские финансовые институции не желали брать на себя это финансирование, а часть местного чиновничества обвиняла комиссию в искажении реальности. Личная поездка военного министра для того, чтобы разобраться в ситуации, действительно была лучшим способом понять экономическую обстановку в регионе. Но хотел ли А.Н. Куропаткин узнать реальное положение вещей?

Организация поездки

Мы не случайно достаточно подробно остановились на причинах поездки А.Н. Куропаткина на Дон, хотя они уже известны современной историографии. Дело в том, что в своем отчете министр искажил предшествовавшие поездке факты, причем весьма своеобразно и ловко. В общих чертах А.Н. Куропаткин описал ситуацию корректно: он признал, что экономика донского казачества находится в упадке. Об этом сообщают разные лица, а комиссией Н.А. Маслаковца предложен ряд серьезных реформ Донского Войска (*РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 3-4*). Однако детали министр искажил в пользу имперской и местной власти. А.Н. Куропаткин утверждал, будто бы «опасение со стороны Военного Министерства» в связи с ростом повинностей казачества возникло совершенно самостоятельно, хотя параллельно с этим в министерство и поступали предупреждения об этом из различных источников (*РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 3об.*). Таковых источников

А.Н. Куропаткин называл два: Донскую войсковую администрацию под руководством А.П. Короченцева и донских дворян (именно в таком порядке) (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 30б.). В результате министр создал в своем отчете совершенно превратную картину ситуации, предшествовавшей его поездке: если в действительности вопрос о тяжелом экономическом кризисе казачества в 1898–1900 гг. был вынесен на официальное обсуждение исключительно по инициативе донских дворян, причем при поддержке имперских властей и противодействии властей местных, то в интерпретации А.Н. Куропаткина выходило, будто бы данный вопрос совместно подняли имперские власти, местные власти и донское дворянство (именно в таком порядке).

Таким образом, министр в своем нарративе сразу ослабил позиции донских дворян, во многом оппозиционных власти, и усилил позиции региональных и имперских чиновников. В действительности Военное Министерство фактически не заметило обострения экономических проблем донского казачества в 1890 гг. А войсковые власти вообще попытались скрыть эти проблемы, вследствие чего к их оценке текущего положения в донской экономике необходимо было относиться с определенной осторожностью. Донские дворяне, напротив, эти проблемы выявили, и поэтому их мнения заслуживали большего внимания. Но А.Н. Куропаткин скрыл этот сюжет, что позволило ему далее опираться на утверждения имперских и особенно региональных чиновников, не поднимая вопроса о том, стали ли они более достоверны и обоснованы по сравнению с предшествующим периодом.

А отчет А.Н. Куропаткина строится в основном именно на показаниях либо собственно местных чиновников, либо полученных в их присутствии. Министра в поездке сопровождал ряд лиц «от Войска Донского», причем все это были исключительно представители администрации: атаман К.К. Максимович, начальник войскового штаба В.И. Пневский и ряд менее значительных должностных лиц (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 5). Ехал с ним и ряд чиновников от Военного Министерства, самым влиятельным из которых являлся начальник ГУКВ П.О. Щербов-Нефедович (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 40б-5). Более того, на границе каждого округа Войска Донского А.Н. Куропаткина встречал окружной атаман, также присоединявшийся к свите министра до тех пор, пока он инспектировал соответствующий округ (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 4). В окружной станице их встречали еще и помощник окружного атамана, воинский начальник и полицейский пристав (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 4). Затем А.Н. Куропаткин посещал станичный собор (это важно для характеристики его приоритетов) и только после встречи со светским и духовным начальством шел на назначенную ему квартиру, где его должны были ожидать депутации от станиц округа, причем депутация от самой окружной станицы «во главе с станичным атаманом» (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 4).

Между тем комиссия Н.А. Маслаковца отмечала, что именно окружные власти и станичные атаманы во многом и создали нездоровую экономическую ситуацию на Дону, когда ради выполнения требований снаряжения на службу разрушалась экономическая устойчивость казачьих хозяйств, а всякая инициатива станичных сходов по защите казачьих интересов подавлялась. «С одной стороны, требования начальства к делу снаряжения казака из года в год растут. С другой стороны, возможность со стороны казака к исполнению этих требования из года в год падает, и окружная администрация, поставленная в необходимость разрешить эту неразрешимую дилемму, под страхом всяких административных кар требует от станичного атамана исправного снаряжения, какие бы от того экономические последствия не последовали. Станичный атаман для разрешения ему поставленной задачи обращается к регулированию схода в сторону его себе подчинения, его безгласности, к регулированию в том же направлении и всех казаков станицы. Средства же для того у него достаточны: штрафы, аресты». Описывал ситуацию в своем обстоятельном докладе о причинах упадка казачьего благосостояния член комиссии П.Г. Мордвинцев (Протоколы..., 1899: 98). Таким образом, возникла крайне ироничная ситуация: А.Н. Куропаткин, принимая депутации от казачьих станиц, чтобы обсудить с ними экономические проблемы, делал это исключительно в присутствии тех влиятельных людей, которых специальная комиссия перед этим обвинила в соучастии в создании этих проблем.

А.Н. Куропаткин посещал и станичные правления, где беседовал с полным станичным сбором, но, опять же, только в присутствии станичных чиновников (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 40б.). И даже согласно предварительной программы путешествия министр рассчитывал знакомиться с хозяйством станицы не из беседы со сбором, а «по книгам», вызывая для консультаций неких «почтенных казаков» и «хозяев разного достатка» (интересно, что принцип их отбора остался не указан, что позволяет предположить: «почтенность» казаков должны были определять все те же местные чиновники) (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 40б.). Только на заключительном этапе осмотра станицы А.Н. Куропаткин должен был посещать дома отдельных казаков, беседуя с ними и осматривая их хозяйства (принцип отбора этих казаков также не указывался) (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 40б.).

Конечно, контакты с местными чиновниками при инспекции военным министром ситуации в Донском Войске были неизбежны. Сотрудничали с местными чиновниками и другие представители Военного Министерства. В 1899–1903 гг. изучавшие в связи со вскрывшимися проблемами ситуации в других казачьих войсках (например, в 1902 г. Оренбургское войско было проинспектировано

П.О. Щербовым-Нефедовичем (Щербов-Нефедович, 1902), а в 1903 г. Забайкальское войско проверял Н.А. Маслаковец (Маслаковец, 1903). Однако этими генералами при изучении казачьих территорий ставились иные, куда более скромные задачи по сравнению с военным министром. Так, П.О. Щербов-Нефедович хотел только произвести «ближайшее личное ознакомление на месте с условиями быта Оренбургских казаков и с экономическим положением их станиц», причем сразу оговаривал, что в его итоговом докладе будет много не вполне достоверной, оценочной общей статистики (Щербов-Нефедович, 1902: 1-2). А А.Н. Куропаткин желал не только «ознакомиться на месте с условиями быта донского казака как по гражданской, так и по военной частям, с занятиями казака, его хозяйством», но и «лично видеть казака в домашней среде, вникнуть в суть самой жизни казака в ее всесторонних проявлениях», чего, разумеется, нельзя было сделать, общаясь с казаками только в присутствии местных чиновников (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 3-4). Иными словами, П.О. Щербов-Нефедович во время своей поездки в Оренбургское казачье войско с помощью войсковых чиновников изучал достаточно объективные вещи: быт казачьих станиц и их экономическое положение, сразу предупреждая, что его текст не всегда достоверен. А А.Н. Куропаткин во время поездки на Дон желал с помощью войсковых чиновников понять вещи как объективные, так и субъективные, изучить абсолютно все стороны казачьей жизни, включая жизнь непубличную, домашнюю. И при этом он не оговаривал возможную неточность своих наблюдений. Важно и то, что ошибку министра нельзя списать на простую непродуманность деталей его поездки: он планировал ее настолько тщательно, что, как сообщал в своем отчете, заранее разрешил «подносить хлеб-соль, но только на самых простых глиняных блюдах или на полотенцах» (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 40б.).

Таким образом, становится ясно, зачем А.Н. Куропаткин посещал множество учреждений, деятельность которых имела крайне косвенное отношение или вовсе не имела отношения к экономической жизни казачества, вплоть до церквей: это было не случайностью или ошибкой, но осознанным ходом, порожденным желанием «вникнуть в суть самой жизни казака». Вот только поездка А.Н. Куропаткина на Дон длилась менее месяца (с 11 мая по 3 июня 1900 г.), причем он успел осмотреть 4 города, 1 посад, 21 станицу и 1 хутор (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 40б-5). Понятно, что «вникнуть в суть самой жизни казака» за такой срок было в принципе невозможно, даже независимо от ошибок, допущенных при составлении программы поездки. Почему же А.Н. Куропаткин взял на себя подобную заведомо неразрешимую задачу? А.Ф. Редигер жаловался, что с военным министром было трудно работать, особенно в первое время, когда он «по поводу каждого дела сам говорил с безапелляционной уверенностью» (Редигер, 1999: 264). Как нам представляется, нечто подобное наблюдалось и в данном случае: А.Н. Куропаткин ехал на Дон не для того, чтобы реально изучить ситуацию в казачьих станицах, но для того, чтобы найти подтверждения своим представлениям о казачестве и о необходимых реформах Донского Войска. Продемонстрируем это на двух примерах.

А.Н. Куропаткин (не)изучает казачьи хозяйства

Отдельные казаки в повествовании А.Н. Куропаткина встречаются довольно редко. Как правило, он говорил с казачьей массой, не слишком интересуясь ее ответом. Уже в первой станице, которую он посетил, в станице Урюпинской, общение генерала с выборными казаками, в числе которых было много георгиевских кавалеров, выглядело так: «Сказал им речь, в которой указал, что Хоперские казаки пользуются худой славой слушников начальства: было несколько случаев слушания, и им все сходило с рук, что теперь этого не будет, станут о них заботиться, но при слушании употребят силу» (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 220б.). Ответа казаков на это выступление министр не упомянул. Что он подчеркнул из общения с урюпинскими выборными, вообще непонятно: никакие их высказывания не приводятся, а положение дел в станице описывается в основном на основании официальной отчетности станичного правления и мнения окружного атамана (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 220б-23).

Впрочем, А.Н. Куропаткин лично посетил двух казаков станицы - Павла Степанова и Николая Кутарева. Однако посещение первого из них просто упоминается без всяких деталей, а жалобы второго на бедность и действия властей удостоились у А.Н. Куропаткина следующей презрительной характеристики: «Плакался что нечем починить хату» (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 23). Семья Николая Кутарева имела два пая земли (на него самого и его сына), и поскольку снарядить сына на службу помогло станичное правление, для компенсации долга был не только принудительно сдан в аренду один из этих паев, но и с обоих вырубил весь лес (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 23). Однако А.Н. Куропаткин прокомментировал эту ситуацию исключительно в том плане, что Николай Кутарев в таких условиях не проявил должной хозяйственности и не разбил огород вместо сада на приусадебном участке, чтобы продавать с него овощи (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 23).

Далее из описания объезда военным министром станиц: простые казаки, названные по именам, почти пропадают. Ему жалуются «станичники» и что-то объясняют «стариками» (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 240б.). С обходами отдельных хозяйств ситуация еще интереснее. Во второй посещенной станице, станице Которовской, министр обошел «разные хаты, по преимуществу ниже среднего достатка», из чего вынес только то, что «огороды небольшие», а «сады не в порядке» (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 24). В описаниях посещения последующих станиц, которые выделены в

отдельный раздел отчета «Население и его землепользование», осмотры личных хозяйств казаков не упоминаются (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 21-32). Но в конце отчета А.Н. Куропаткин неожиданно возвращается к описаниям обхода отдельных хозяйств в небольшом разделе без названия, посвященном личным впечатлениям от поездки (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 490б-53). Там он снова и совершенно иначе описывает посещение ряда станиц, и выясняется, например, что в третьей посещенной им станице, станице Михайловской, он тоже «обошел много изб казаков и иногородних, преимущественно бедных» (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 490б.). И здесь А.Н. Куропаткин уже не скрывает своего раздражения, описывая увиденное в целом так: «Неряшливо и убого» (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 490б.).

Обратим внимание на подобную запутанность структуры отчета: обратившийся только к разделу «Население и его землепользование» где, как может показаться, если не читать текст полностью, описано посещение А.Н. Куропаткиным всех станиц, его беседы со станичными сходами, осмотр хозяйств отдельных казаков и т. п., читатель просто не узнает многих фактов о положении местного населения и казачьих хозяйствах. Заслуживает внимания и то, что как раз негативно характеризующие донскую экономику сюжеты порой выносились военным министром в безымянный раздел о личных впечатлениях, что позволило ему создать в разделе «Население и его землепользование» намного более благозвучную картину казачьей жизни. И даже этим запутанность структуры отчета не ограничивается: описания посещений А.Н. Куропаткиным отдельных хозяйств в других станицах, кроме Урюпинской, Которовской и Михайловской, разбросаны по всему тексту отчета, причем встречаются в нем крайне редко, что затрудняет их поиск. Затрудняет поиск конкретной информации и то, что при посещении хозяйств военного министра интересовали самые разные, далеко не только экономические вопросы. Так, в русской слободе Сидоры А.Н. Куропаткин зашел в дом старика, ветерана Кавказской войны Андрея Нарыжного, но хозяйство ветерана военного министра не заинтересовало, зато его впечатлило, что старик «еще работает и живо бегаёт» (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 50).

Помимо личного посещения казачьих хозяйств, министр иногда расспрашивал о них казаков на встречах со станичными сходами, но в отчет попали только предельно общие описания достаточно благополучных хозяйств. Например, в станице Романовской генералу «показали свои обороты» четыре оставшихся неназванными казака, из которых первый имел в год доход с хозяйства в 1 200 руб., второй – в 300 руб., третий – в 400 руб., а четвертый – в 120 руб. (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 28). Не вполне ясно само построение предложения: выходит, остальные казаки станицы отказались говорить о положении своих хозяйств военному министру? Но такой отбор 4 хозяйств в целой станице никакой внятной характеристики ее экономического положения в целом не давал. Кроме того, весьма непрофессиональна и мало что в действительности дает оценка хозяйства по исключительно доходу, без указания его расходов. Например, заработавший 1 200 руб. казак арендовал 60 десятин земли и держал 4 годовых работников, расходы на что А.Н. Куропаткин не привел (правда, само описание хозяйств весьма неясно, и «продал» и «выручил» используются в нем в одном ряду, так что, возможно, для каких-то хозяйств генерал привел не доход, а чистую прибыль) (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 28).

Для сравнения, в наиболее информативном из докладов комиссии Н.А. Маслаковца, докладе упомянутого выше П.Г. Мордвинцева, делалась попытка примерно оценить доли богатых, средних и бедных казаков по всему Донскому Войску, в результате чего выводилось соотношение в 21,6 % богатых, 45 % средних и 33,4 % бедных (Протоколы..., 1899: 98). Кроме того, П.Г. Мордвинцевым давалась оценка годовых дохода и расхода для среднего казачьего хозяйства: они были оценены в 164 руб. 30 коп. и 142 руб. 19 коп. соответственно (Протоколы..., 1899: 109-110). Понятно, что расчеты П.Г. Мордвинцева могли быть неточными и оценочными, но ничего похожего на подобные обобщающие экономические расчеты в отчете А.Н. Куропаткина вообще нет. Описания отдельных казачьих хозяйств в нем тоже не позволяют понять, как жили казаки в целом: этих хозяйств не просто описано очень мало, но они еще и выбраны довольно случайным образом, а их описания сумбурны и неинформативны.

Складывается впечатление, что после посещения первых трех станиц А.Н. Куропаткин понял: бедные хозяйства и дальше будут «неряшливы и убоги». Поэтому, если он и осматривал их в других станицах, то либо не систематически, либо этот процесс, по его мнению, был настолько маловажен, что в отчет почти не попадал. Понять, как выглядит среднее, типичное казачье хозяйство министр тоже не пытался, предпочитая сложному анализу внешнее наблюдение и расспросы отдельных лиц. Нам остается констатировать, что из «Отчета о служебной поездке Военного Министра в Область Войска Донского в 1900 г.» следует: при декларативном желании «вникнуть в суть самой жизни казака» реальное исследование даже экономического положения казачьих хозяйств, т. е. того аспекта этой жизни, для изучения которого А.Н. Куропаткин ехал на Дон, оказалось ему малоинтересно. В итоге текст отчета содержит вывод о том, что комиссия Н.А. Маслаковца сильно преувеличила тяжесть экономических проблем казачества, но обосновывается этот вывод фактически только личным мнением А.Н. Куропаткина, которое, как мы видели выше, нельзя считать обоснованным: «Из знакомства моего с условиями жизни казаков даже беднейших станиц я вынес более отрадное

впечатление, чем то можно было ожидать на основании заявлений донского дворянства и работ комиссии Маслаковца» (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 510б.).

А.Н. Куропаткин (не)изучает казачье образование

Из описания А.Н. Куропаткиным донских хозяйств видно, что особенностями его специфической исследовательской оптики были бессистемность, невнимание к некоторым важным сторонам исследуемой проблемы, неготовность к глубокому анализу и безапелляционность суждений, порой довольно странных. Однако именно в этой области сложно понять, насколько проявленные министром особенности исследования мешали ему видеть реальную картину. Конечно, на первый взгляд подобные особенности несовместимы с объективным исследованием в принципе. Однако в последнее десятилетие наметилась определенная тенденция к представлению А.Н. Куропаткина оригинальным, но крайне талантливым и разносторонним деятелем, непонятым и даже оклеветанным потомками. Так, в коллективной монографии «Генерал Куропаткин – государственный и военный деятель Российской империи» прямо утверждается: «Искусственно и необоснованно созданный в советское время образ генерала заслонил собой выдающегося военного и государственного деятеля и патриота России» (Сальников и др., 2018: 11). Р.Ю. Почекаев, анализируя работы А.Н. Куропаткина о Средней Азии, утверждает, что в них присутствует «широкий кругозор, научный подход» (Почекаев, 2019: 51). Теоретически возможно, что, несмотря на отмеченные нами особенности исследовательской оптики А.Н. Куропаткина, "широкий кругозор", "научный подход" или другие личные качества позволяли ему ухватить хотя бы отдельные элементы общей картины. А в случае с донской экономикой рубежа XIX-XX вв. сама противоречивость ее оценок и несовместимость утверждений разных авторов о положении казачьих хозяйств затрудняют понимание того, насколько адекватен реальности в своих описаниях был военный министр. Поэтому мы решили обратиться к той области, в которой нарратив А.Н. Куропаткина позволяет корректно сравнить сами приводимые факты с их оценками, даваемыми военным министром. Проанализируем, что А.Н. Куропаткин писал о донском образовании.

Порочность подходов военного министра становится сразу ясна при рассмотрении того, как он описывал реальные училища. Подобных училищ в Донском Войске было всего два, причем разница между ними была принципиальной: Урюпинское реальное училище существовало с 1877 г., большая часть его выпускников поступала в Санкт-Петербургский технологический институт, а недавно открытое Усть-Медведицкое реальное училище еще не сделало ни одного выпуска (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 42-420б.). Понятно, что с точки зрения объективного наблюдателя Урюпинское реальное училище было безусловно эффективным, а Усть-Медведицкое реальное училище свою эффективность успешными выпускниками еще не доказало. Однако А.Н. Куропаткин жестко раскритиковал Урюпинское реальное училище именно за то, что его ученики успешно поступали в статусное высшее учебное заведение и не желали идти на военную службу (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 42). О учебной программе училища, компетентности учителей и т. д. из отчета нельзя понять ничего, зато министра встревожило, что в этом училище у учеников «больные лица»: «угрюмые, смотрят исподлобья; до 1/3 имеют сумрачный вид» (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 42). Напротив, Усть-Медведицкое реальное училище А.Н. Куропаткину понравилось, хотя о его программе и компетентности учителей министр тоже не счел нужным ничего написать: там в выпускном классе 3 ученика из 9 собирались поступать на военную службу, и не было «угрюмых, сумрачных лиц» (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 420б.). Как мы видим, генерал интересовался не уровнем знаний учащихся молодых казаков, а их желанием служить и довольным видом. Кроме этого, военному министру было важно пение. В Усть-Медведицком реальном училище А.Н. Куропаткину спели, и он описывал свои эмоции от этого так: «Я повернул их к широкому виду на Дон. Пели с душой. Смотря на молодые, поющие, славные лица, я сам растрогался и понимал, что при чудной весенней панораме на Дон, чудном ароматном воздухе можно горячо любить этот уголок великой нашей России...» (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 420б.). Итак, при описании реальных училищ министром опускалось самое главное, то, как в них был организован процесс учебы, а их оценка давалась по показателям, либо вообще не связанным с их реальной образовательной эффективностью, либо используемым ошибочно. В интерпретации А.Н. Куропаткина хорошее реальное училище должно было готовить учеников не к поступлению в высшее учебное заведение, но к военной службе, учащиеся должны были выглядеть довольно и уметь хорошо петь.

Не лучшая ситуация наблюдается и при описании министром других учебных заведений, которым в отчете уделено немало места. Например, при описании Урюпинского окружного училища он писал: «Вид учеников бодрый, веселый. Ученики отлично пели» (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 430б.). Нижне-Чирское окружное училище: «Хорошо пели» (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 430б.). Усть-Медведицкое окружное училище: «Пели недостаточно стройно» (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 430б.). О программах преподавания, уровне подготовки учеников и учителей (кроме пения), организации учебного процесса А.Н. Куропаткин снова почти ничего не сообщал.

Более того, министр демонстрировал явную антипатию к образованию, регулярно предупреждая учеников и преподавателей: увлечение учебой вредно. Так, при описании Нижне-Чирского окружного училища он написал такое предложение о его учениках: «Предостерегал их:

от увлечений своей ученостью, от появления отчужденности от земледелия» (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 43об.). Генералу было подозрительно даже увлечение казаков военным обучением. В Усть-Медведицком окружном училище, где пели плохо, какой-то офицер прекрасно организовал обучение казачат строю, что вызвало такой комментарий А.Н. Куропаткина: «Боюсь даже, нет ли увлечений?» (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 43об.). Дело дошло до того, что, когда в Нижне-Чирской станице, где еще в 1887 г. закрыли гимназию, «простые казаки и атаманы хуторов» просили взамен открыть у них реальное училище, А.Н. Куропаткин высказал «замечание, что не боятся ли они, что ученые дети бросят их, станут чужими» (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 43). Казаки ответили, что не боятся, однако этот факт генерал приводил без частых в его тексте одобрительных комментариев, а вопрос о открытии училища был передан им в Главное управление казачьих войск на рассмотрение, а не для исполнения (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 43).

Важной проблемой донского казачества А.Н. Куропаткину представлялось развитие в его среде женского образования. Он регулярно критиковал начальные школы для девочек за то, что они якобы были малополезны для хозяйства и вели к вредным увлечениям казачек. Например, низшую школу для девочек в станице Михайловской генерал характеризовал так: «Одегты все как институтки. Подносят букеты, говорят коротенькие речи. Проходили попарно, взявшись за руки. Увлечение вредное» (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 44об.). В Аксайской школе для девочек министра возмутило чрезмерно изящное рукоделие: к его приезду на двух столах выложили сложные вязания, и только порывшись, он смог обнаружить в массе вещей такие более важные при обучении девочек, по его мнению, предметы, как «рубашки, носки и проч.» (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 45об.). Этот случай так возмутил А.Н. Куропаткина, что он не просто указал на него в своем отчете, но заявил, что «надо принять общие меры сверху» (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 45об.).

При этом поддержки у казаков подход министра к женскому образованию обычно не находил. Во всем отчете он привел всего один случай, когда с похожих позиций выступил один казак, зато этот казак сразу презентовался в тексте отчета как «опытный»: «Опытный казак говорил мне, что, окончив в школе, казачки чуждаются черной работы, а простые казаки боятся взять их замуж» (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 44об.). Напротив, когда в неуказанном хуторе А.Н. Куропаткин столкнулся с девушкой-казачкой, за счет родителей учившейся в 6 классе гимназии с оплатой в 300 руб. в год, чтобы стать учительницей, не выходить замуж за казака и не заниматься тяжелой работой, это было подано в отчете в том контексте, что «девочки тянутся далее <низших школ>», без упоминания мнения на этот счет родителей девушки, явно зажиточных, хозяйственных и желающих дать дочери хорошее образование (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 44об.).

Таким образом, попытка А.Н. Куропаткина «вникнуть в суть самой жизни казака» в той части его отчета, которая касается образования, свелась к крайне поверхностным описаниям учебных заведений, причем с полным игнорированием важнейших аспектов их деятельности, и сентенциям военного министра о том, что современное образование донскому казачеству более или менее вредно и им не следует увлекаться, а девочкам школы вообще то ли не нужны вовсе, то ли их нужно срочно реформировать, оставив только предметы, полезные будущим женам казаков. При этом реальные факты, приводимые министром, часто противоречили его сентенциям: ученики Урюпинского реального училища хотели учиться в столичном институте, в Нижне-Чирской станице простые казаки желали иметь реальное училище, и наблюдались случаи, когда родители оплачивали девочкам дороге образование. Но эти факты А.Н. Куропаткин просто приводил без анализа и выводов из них, строя свои умозаключения исключительно на немногочисленных случаях обратного свойства. И здесь мы ясно видим, как именно исследовательская оптика А.Н. Куропаткина вела к серьезнейшим искажениям и ошибкам в его тексте. В нарративе министра выводы нередко следуют из априорных представлений автора, с опорой только на те факты, которые укладываются в эти представления, а сами факты даются бессистемно, с лагунами в важных областях.

А.Н. Куропаткин и калоши

Вернемся в заключение к калошам. Они появляются в отчете А.Н. Куропаткина в связи со станицей Сиротинской. Описывая ее посещение в разделе «Население и его землепользование», генерал обращал внимание на те моменты, из которых могло сложиться впечатление, будто бы в этом населенном пункте в хозяйствах все было благополучно: «В 1899 году никто из Сиротинцев не снаряжался на станичный счет. Вообще, чтобы не задолжаться в станичные суммы, Сиротинцы предпочитают продавать часть движимого имущества. Так, один казак заявил мне в станичном правлении, что ему пришлось сразу снарядить и сына, и зятя, на что потребовалось 500 руб.; казак этот продал пару быков и хлеб – а долгу не сделал» (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 26об.). Вот только комиссия Н.А. Маслакова практику продажи хозяйственного имущества для снаряжения молодого казака на службу осуждала безоговорочно, отмечая, что она часто навязывалась чиновниками сверху (у не снарядивших сына принудительно отбирали пай и сдавали его в аренду до компенсации подобным образом долга), подрывала устойчивость казачьего хозяйства и вела к его обеднению (Маслаковец, 1899: 42). Однако А.Н. Куропаткин в очередной раз приводил слова казака (возможно, сказанные отнюдь не одобрительно) без всяких комментариев и в позитивном контексте, так, что у

читателя должно было сложиться впечатление, будто бы казаки Сиротинской станицы продавали имущество для снаряжения на службу вполне добровольно и даже гордились отсутствием долгов.

Вот только станица Сиротинская попала в число описанных дважды. И при повторном описании в безымянном разделе в конце отчета министром давалась совершенно иная картина ее быта. Оказалось, что станица бедная, А.Н. Куропаткин в ней посетил 12 хозяев и убедился, что «бедноты много» (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 56). Выяснилось, что, несмотря на продажу имущества, у местных казаков все-таки есть долги, а некий урядник Насонов не может восстановить хозяйство как раз потому, что в счет долга его пай на много лет вперед отобран станичным обществом (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 56).

А далее мы переходим к самому любопытному. А.Н. Куропаткин в связи с описанной картиной станичной бедности ни словом не упомянул мнения комиссии Н.А. Маслаковца о пагубности принудительного отчуждения пая и продажи хозяйственного имущества при снаряжении казака на службу. При этом причины обеднения станицы он описывал, но в соответствии с мнением ее атамана, кстати, находящегося в должности уже четвертое трехлетие и, в отличие от простых жителей, живущего «с большим достатком» (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 56). Однако каких-либо претензий к атаману, не сумевшему добиться улучшения ситуации в станице более чем за 9 лет, у министра не возникло. И это не было случайно: атаман сумел назвать А.Н. Куропаткину такие причины обеднения казаков, которые были объективны, не зависели от чиновников и хорошо укладывались в воззрения министра на проблемы казачества. Согласно станичному атаману, Сиротинская беднела из-за истощения почв, уходов жен от мужей, частых семейных разделов, франтовства молодежи и особенно моды на калоши (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 56). Министр не только вслед за ним включил в свой отчет все эти причины, но и особенно остановился на последней, добавив: «Чтобы и пройтись по улице, и щегольнуть калошами многие, по словам станичного атамана, платят даже за прокат калош» (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 56). Затем он упомянул калоши как важный фактор современной жизни казачества в обобщающей заключительной части своего отчета, и этой цитатой мы начали свою статью. Приведенные чиновником оправдания экономических проблем во вверенной ему станице настолько удовлетворили А.Н. Куропаткина, что, во всяком случае судя по отчету, простых казаков об этом он не спрашивал. Зато он посетил отца диакона, сообщившего ему заслуживающий включения в отчет факт, что «станция пения вообще и церковного в частности не любит» (РГИА. Ф. 1263. Оп. 4. 1901 г. Д. 48. Л. 56).

5. Заключение

Итак, «Отчет о служебной поездке Военного Министра в Область Войска Донского в 1900 г.» действительно представляет собой важный для понимания истории донского казачества рубежа XIX-XX вв. документ. При этом в нем нет даже отдаленно объективных описаний Донского Войска. А.Н. Куропаткин смотрел на донских казаков через крайне специфическую исследовательскую оптику, для которой были характерны бессистемность, невнимание к некоторым важным сторонам исследуемой проблемы, неготовность к глубокому анализу и безапелляционность суждений. Но именно поэтому его текст важен для понимания того, что проблемы казачества Российской империи зачастую были следствием искаженного восприятия чиновников, которые в своих проектах реформ казачьих войск исходили не из реальности, а из априорных представлений о том, какими должны быть казаки.

В то же время нарратив А.Н. Куропаткина важен для понимания его личности. Безусловно, советская историография была далека от объективности в отношении многих деятелей Российской империи, а отдельные ошибки допускались и выдающимися государственными деятелями. Однако разобранный нами текст показывает, что в 1900 г. А.Н. Куропаткин демонстрировал полную оторванность от реальности. Так, из его отчета видно, что в области казачьего образования министра больше всего интересовало хоровое пение и почти во всех мужских учебных заведениях он проверял именно то, как поют молодые казаки. Соответственно, попытки не просто реабилитировать А.Н. Куропаткина, но представить его «выдающимся военным и государственным деятелем» едва ли обоснованны. Даже к текстам генерала нужно относиться осторожно: как мы видели, анализ в них ненадежен, а важные факты могут быть искажены или опущены.

Наконец, «Отчет о служебной поездке Военного Министра в Область Войска Донского в 1900 г.» заслуживает определенного внимания и в контексте истории Российской империи рубежа XIX-XX вв. Этот текст показывает, что в качестве отчета о важнейшей поездке имперский министр мог сдать крайне слабое и жанрово неопределенное сочинение, местами больше напоминающее записки путешественника, чем подведение чиновником итогов его работы. Предсказуемо, что в государстве, где подобное принималось в качестве служебного отчета высокой важности, многие проблемы не решались, а углублялись и обострялись.

6. Благодарности

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РНФ (проект № 23-28-00653) в рамках конкурса 2022 г. «Проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований малыми отдельными научными группами».

Литература

- Авилов, 2019** – Авилов Р.С. Поездка военного министра А.Н. Куропаткина в Сибирский военный округ в 1899 г. и ее результаты // *Мир политики и социологи*. 2019. № 4. С. 157-176.
- Авилов, 2021** – Авилов Р.С. Братья по несчастью: Иркутская и Красноярская казачьи сотни в 1899 г. (по материалам поездки А.Н. Куропаткина) // *Известия Лаборатории древних технологий*. 2021. № 3. С. 149-159.
- Альманах..., 1897** – Альманах современных русских государственных деятелей. СПб., 1897. С. 1201.
- Бабайцев, 2012** – Бабайцев А.В. Символика Ростовской области: между традицией и современностью // *Научная мысль Кавказа*. 2012. № 2. С. 131.
- Белинский, 1953** – Белинский В.Г. Стихотворения Алексея Леонова / Полное собрание сочинений. Т III. М., 1953. С. 231-234.
- Волвенко, 2017** – Волвенко А.А. Очерки по истории донского казачества в позднеимперский период (II пол. XIX – нач. XX вв.). Ростов-на-Дону, 2017. 226 с.
- ГАРО** – Государственный архив Ростовской области.
- Гоков, 2015** – Гоков О.А. Эволюция взглядов А.Н. Куропаткина на политику России относительно Персии (1890-1915 гг.) // *Клио*. 2015. № 5. С. 187-197.
- Донцы..., 2003** – Донцы XIX века. Ростов-на-Дону, 2003. С. 302.
- Карасев, 1899** – Карасев А.А. Донские атаманы за последние полвека // *Русский архив*. 1899. Кн. 2. С. 112-114.
- Маслаковец, 1899** – Маслаковец Н.А. О занятиях высочайше учрежденной 16-го июня 1898 года Комиссии в области войска Донского и о достигнутых ею результатах: Доклад состоящего в распоряжении военного министра Генерального штаба генерал-лейтенанта Маслаковца 23 авг. 1899 г. СПб., 1899. 123 с.
- Маслаковец, 1903** – Маслаковец Н.А. Доклад о результатах командировки состоящего в распоряжении военного министра генерал-лейтенанта Маслаковца в 1903 году в Забайкальское казачье войско. СПб., 1903.
- ОР РНБ** – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки.
- Почекаев, 2019** – Почекаев Р.Ю. А.Н. Куропаткин о российских протекторатах в Средней Азии // *Юридическая наука: история и современность*. 2019. № 1. С. 44-53.
- Протоколы..., 1899** – Протоколы Комиссии по исследованию нужд казачьего населения Донской области. Б.м., 1899. С. 132.
- РГВИА** – Российский государственный военно-исторический архив.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- Редигер, 1999** – Редигер А.Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра. Т. I. М., 1999. С. 264.
- Сальников и др., 2018** – Сальников В.П., Белозерова О.А., Белоконь И.В. и др. Генерал Куропаткин – государственный и военный деятель Российской империи. К 170-летию со дня рождения. СПб., 2018. 370 с.
- Скорик, 2015** – Скорик А.П. Милютинский казачий юрт: опыт исторической реконструкции. Новочеркасск, 2015. С. 82-109.
- Тикиджьян, 1998** – Тикиджьян Р.Г. Войсковой наказной атаман, князь Н.И. Святополк–Мирский (1881–1898) // *Донской временник*. 1998. [Электронный ресурс]. URL: http://donvrem.dspl.ru/Files/article/m3/o/art.aspx?art_id=97
- Хлыстов, 1962** – Хлыстов И.П. Дон в эпоху капитализма. 60-е - середина 90-х годов XIX в. Ростов-на-Дону, 1962. С. 16, 28.
- Щербов-Нефедович, 1902** – Щербов-Нефедович П.О. Доклад о результатах командировки начальника Главного управления казачьих войск генерал-лейтенанта Щербов-Нефедовича в 1902 году в Оренбургское казачье войско. СПб., 1902.
- Peretyatko, 2019** – Peretyatko A.Y. Economic Views of A.N. Kuropatkin and the Policy of the Ministry of War in the Cossack Hosts in 1898–1900 // *Bylye Gody*. 2019. Vol. 53. Is. 3. Pp. 1326-1328.

References

- Al'manakh..., 1897** – Al'manakh sovremennykh russkikh gosudarstvennykh deyatelei Almanac of modern Russian statesmen]. SPb., 1897. S. 1201. [in Russian]
- Avilov, 2019** – Avilov, R.S. (2019). Poezdka voennogo ministra A.N. Kuropatkina v Sibirskii voennyi okrug v 1899 g. i ee rezul'taty [The visit of the Minister of War A.N. Kuropatkin to Siberian Military District in 1899 and its results]. *Mir politiki i sotsiologi*. 4: 157-176. [in Russian]
- Avilov, 2021** – Avilov, R.S. (2021). Brat'ya po neschast'yu: Irkutskaya i Krasnoyarskaya kazach'i sotni v 1899 g. (po materialam poezdki A.N. Kuropatkina) [Brothers in misfortune: Irkutsk and Krasnoyarsk Cossack Sotnias in 1899 (according to the materials of the visit of A.N. Kuropatkin)]. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii*. 3: 149-159. [in Russian]

- Babaitsev, 2012** – Babaitsev, A.V. (2012). Simvolika Rostovskoi oblasti: mezhdru traditsiei i sovremennost'yu [Symbolism of the Rostov Region: between tradition and modernity]. *Nauchnaya mysl' Kavkaza*. 2: 131. [in Russian]
- Belinskiĭ, 1953** – Belinskiĭ, V.G. (1953). Stikhotvoreniya Alekseya Leonova [Poems by Aleksey Leonov]. *Polnoe sobranie sochinenii*. T III. M. Pp. 231-234. [in Russian]
- Dontsy..., 2003** – Dontsy XIX veka [Don Cossacks of the 19th century]. Rostov-na-Donu, 2003. P. 302. [in Russian]
- GARO** – Gosudarstvennyi arkhiv Rostovskoi oblasti [State Archive of the Rostov Region].
- Gokov, 2015** – Gokov, O.A. (2015). Evolyutsiya vzglyadov A.N. Kuropatkina na politiku Rossii otноситel'no Persii (1890–1915 gg.). *Klio*. 5: 187-197. [in Russian]
- Karasev, 1899** – Karasev, A.A. (1899). Donskie atamany za poslednie polveka [The Don Atamans for the past half century]. *Russkii arkhiv*. Kn. 2. Pp. 112-114. [in Russian]
- Khlystov, 1962** – Khlystov, I.P. (1962). Don v epokhu kapitalizma. 60-e – seredina 90-kh godov XIX v. [The Don in the era of capitalism. 60s – mid 90s of the 19th century]. Rostov-na-Donu. P. 16, 28. [in Russian]
- Maslakovets, 1899** – Maslakovets, N.A. (1899). O zanyatiyakh vysochaishe uchrezhdennoi 16-go iyunya 1898 goda Komissii v oblasti voiska Donskogo i o dostignutykh eyu rezul'tatakh: Doklad sostoyashchego v rasporyazhenii voennogo ministra General'nogo shtaba general-leitenanta Maslakovtsa 23 avg. 1899 g. [About the works of the Commission supremely established in the Don Host Oblast on the 16th of June 1898 and its achieved results: The report on 23rd of August 1899 by, at the disposal of the Minister of War, lieutenant general Maslakovets]. SPb., 123 p. [in Russian]
- Maslakovets, 1903** – Maslakovets, N.A. (1903). Doklad o rezul'tatakh komandirovki sostoyashchego v rasporyazhenii voennogo ministra general-leitenanta Maslakovtsa v 1903 godu v Zabaikal'skoe kazach'e voisko [The report on the results of the official journey by, at the disposal of the Minister of War, lieutenant general Maslakovets to the Transbaikal Cossack Host in 1903]. SPb. [in Russian]
- OR RNB** – Otdel rukopisei Rossiiskoi natsional'noi biblioteki [Manuscripts Department of the National Library of Russia].
- Peretyatko, 2019** – Peretyatko, A.Yu. (2019). Economic Views of A.N. Kuropatkin and the Policy of the Ministry of War in the Cossack Hosts in 1898–1900. *Bylye Gody*. 53(3): 1326-1328.
- Pochekaev, 2019** – Pochekaev, R.Yu. (2019). A.N. Kuropatkin o rossiiskikh protektoratakh v Srednei Azii [A.N. Kuropatkin about the Russian Protectorates in Middle Asia]. *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*. 1: 44-53. [in Russian]
- Protokoly..., 1899** – Protokoly Komissii po issledovaniyu nuzhd kazach'ego naseleniya Donskoi oblasti [Protocols of the Commission for researching the needs of the Cossack population of the Don Oblast]. B.m., 1899. P. 132. [in Russian]
- Rediger, 1999** – Rediger, A.F. (1999). Istoriya moei zhizni. Vospominaniya voennogo ministra [The story of my life. Memories of the Minister of War. Vol 1]. T. I. M. P. 264. [in Russian]
- RGIA** – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive].
- RGVIA** – Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv [Russian State Military Historical Archive].
- Sal'nikov i dr., 2018** – Sal'nikov, V.P., Belozerova, O.A., Belokon', I.V. i dr. (2018). General Kuropatkin – gosudarstvennyi i voennyi deyatel' Rossiiskoi imperii. K 170-letiyu so dnya rozhdeniya [General Kuropatkin – state and military figure of the Russian Empire. To the 170th anniversary since birth]. SPb., 370 p. [in Russian]
- Shcherbov-Nefedovich, 1902** – Shcherbov-Nefedovich, P.O. (1902). Doklad o rezul'tatakh komandirovki nachal'nika Glavnogo upravleniya kazach'ikh voisk general-leitenanta Shcherbov-Nefedovicha v 1902 godu v Orenburgskoe kazach'e voisko [The report on the results of the official journey of the head of the Chief Department of the Cossack Hosts lieutenant general Shcherbov-Nefedovich to the Orenburg Cossack Host in 1902]. SPb. [in Russian]
- Skorik, 2015** – Skorik, A.P. (2015). Milyutinskii kazachii yurt: opyt istoricheskoi rekonstruktsii [Milutinsky Cossack yurt: the experience of historical reconstruction]. Novocheerkassk. Pp. 82-109. [in Russian]
- Tikidzh'yan, 1998** – Tikidzh'yan, R.G. (1998). Voiskovoi nakaznoi ataman, knyaz' N.I. Svyatopolk–Mirskii (1881–1898) [Host's Appointed Ataman, prince N.I. Svyatopolk–Mirskii (1881-1898)]. *Donskoi vremennik*. [Electronic resource]. URL: http://donvrem.dspl.ru/Files/article/m3/o/art.aspx?art_id=97 [in Russian]
- Volvenko, 2017** – Volvenko, A.A. (2017). Ocherki po istorii donsokogo kazachestva v pozdneimperskii period (II pol. XIX – nach. XX vv.) [Sketches about the history of the Don Cossackdom in the Late-Imperial period (second half of the 19th – early 20th centuries)]. Rostov-na-Donu, 226 p. [in Russian]

**«Отчет о служебной поездке Военного Министра в Область Войска Донского в 1900 г.»
А.Н. Куропаткина как исторический источник**

Артем Юрьевич Перетяtko ^{а, *}

^а Ростовский государственный экономический университет, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена анализу «Отчета о служебной поездке Военного Министра в Область Войска Донского в 1900 г.» А.Н. Куропаткина. Данный исторический источник интересен тем, что представляет собой собственноручный нарратив военного министра Российской империи, описывающий поездку в Область Войска Донского с целью «вникнуть в суть самой жизни казака». Таким образом, он потенциально позволяет понять специфику взглядов имперского правительства рубежа XIX-XX вв. на донское казачество. Однако до настоящего времени данный текст использовался историками казачества сравнительно мало (большим авторитетом пользуются исследования донского казачества, выполненные примерно в это же время подчиненными А.Н. Куропаткина, генералами П.О. Щербовым-Нефедовичем и Н.А. Маслаковцом). В статье показано, что это не случайно. Исследовательская оптика А.Н. Куропаткина была крайне специфична: для нее характерны бессистемность, невнимание к некоторым важным сторонам исследуемой проблемы, неготовность к глубокому анализу и безапелляционность суждений. В результате отчет министра демонстрирует его оторванность от реальности и неспособность понять реальные проблемы казаков (так, при осмотре донских школ он уделял огромное внимание хоровому пению, но вовсе не интересовался более важными вещами, такими, как программа обучения и компетентность учителей). В конечном счете, отчет А.Н. Куропаткина наглядно демонстрирует, почему имперским властям не удалось решить проблемы казачества позднеимперского периода: в своей реформаторской деятельности имперские чиновники порой исходили не из реальности, а из априорных представлений о том, какими должны быть казаки.

Ключевые слова: источниковедение, Российская империя, донское казачество, А.Н. Куропаткин, власть и казачество.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ArtPeretatko@yandex.ru (А.Ю. Перетяtko)